

ГРАМОТЫ 17-ГО ВЕКА КАК БАЗА ИЗУЧЕНИЯ СИНТАКСИСА РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА НАКАНУНЕ СОЗДАНИЯ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НОВОГО ТИПА

Михаэль Мозер (Вена)

1.0. Немало грамот 17-го века представлено исследователю истории русского языка в публикациях выдающегося русского филолога С. И. Коткова (КОТКОВ 1964, 1968, 1969, 1974, 1977, 1986, 1990, 1993). Эти тексты являются ценнейшим источником не только для историков права или исследователей русского быта 17-го века, но также для историков русского языка. Скептическое отношение к значимости этих грамот из-за их «утилитарного» характера, по нашему мнению, несправедливо (УНБЕГАУН 1971). Напротив, мы придерживаемся мнения Коткова (КОТКОВ 1990; 4), что как раз утилитарность грамот способствует появлению в них довольно чистого русского народного (диалектного) языка.

1.1. До сих пор специалисты в области истории русского литературного языка едины в том, что в образовании русского литературного языка нового типа деловой язык 17-го века играет очень скромную роль. Недаром подчеркивается роль позднего церковнославянского языка на русской почве (ср. А. В. ИСАЧЕНКО, Б. А. УСПЕНСКИЙ).¹

¹ Ср. ИСАЧЕНКО 1983, 541: "All dies deutet auf eine Ausweitung des Wirkungsbereichs des Kirchenslavischen zu Beginn des 18. Jh." Ср.: укр. соч., 538: "Die 'Vermischung' der Elemente verschiedenen Ursprungs erfolgte ja spontan, ohne jegliche Normalisierung"; укр. соч., 541: "Die Epoche Peters hatte für Poesie und Belletristik wenig übrig. [...] meist in ksl. Übersetzungen [...] Manche dieser Bücher zeichneten sich durch ein wirres Gemisch hochtrabender und vulgärer Wendungen aus."; укр. соч., 548: "Die Diglossie mit ihrer weltabgewandten Hochsprache und einer unterentwickelten Amts- und Umgangssprache konnte einfach die auf die neuzeitliche russische Gesellschaft zukommenden sprachlichen Aufgaben nicht meistern." Ср. также ВИНКУР 1959, 70: «Русская грамотность выросла на почве языка церковного, и именно эта грамотность легла в основание языковой деятельности русского общества в послепетровское время». УСПЕНСКИЙ 1987, 345: «Итак, языковая ситуация радикально меняется, поскольку утверждается в своих правах новый рус. литературный язык. Этот язык, с одной стороны, противопоставлен ц.-сл. языку, с другой стороны, он принимает на себя функции ц.-сл. языку - противопоставленности и преемственности - определяет возможные направления эволюции рус. литературного языка, который может развиваться как

Возникновение нового литературного языка оценивают как «непрерывный» (см. УНБЕГАУН 1968, 129) процесс русификации церковнославянского языка или ликвидации наиболее маркированных элементов из языка культа (ср. ЖИВОВ 1986). С другой стороны высказывалось мнение, что русский литературный язык нового типа представляет собой новообразование и заимствовало из западноевропейских языков гораздо больше нежели думалось раньше (ср. Г. ХЮТТЛЬ-ФОЛТЕР 1987² и др.) Роль смешения стилей (под чем понимается также церковнославянский язык русской редакции) подчеркивается В. В. Виноградовым (ВИНОГРАДОВ 1982³). Специалисты едины, когда речь идет о роли делового языка как образца в образовании нового литературного языка. Такая значимость ставится под вопрос, между тем как деловому языку Петровских времен приписывается немаловажное значение.⁴ Однако канцелярский язык Петровских актов трудно сравнить с деловым языком 17-го века, поскольку общеизвестно значительное влияние западноевропейских языков на язык Петровских канцелярий. На самом деле при Петре имеет место перемена парадигм. Достаточно указать на язык актов самого Петра, где западноевропейское влияние обнаруживается на каждом шагу.

по пути отталкивания от ц.-сл. языка, так и по пути сближения с ним. Обе эти возможности и реализуются на различных этапах кодификации рус. литературного языка [...]. УСПЕНСКИЙ 1985, 3: «С XVIII в. появляется новый литературный язык, противопоставляющий себя церковнославянскому. Отказ от стабильных книжных норм приводит на первых порах к стремительной и не всегда последовательной - скачкообразной - эволюции этого языка, которая предшествует его стабилизации в начале XIX в.». У Успенского деловой язык не играет никакой роли.

² ХЮТТЛЬ-ФОЛТЕР 1987, 7-8: «Итак, языковая ситуация петровского времени представляет собой окончательную фазу сосуществования двух письменных языков во всех их разновидностях. Образованные современники ясно осознавали, что и церковнославянский и деловой языки - оба стали непригодным языковым инструментом для новой исторической обстановки». Ср. ж. соч., 8: «Мы приписываем этому поколению [Тред., Кант., Лом.] решающую роль при создании нового языка, потому что они перекинули мост между многовековой традицией и новыми влияниями с Запада.» [разрядка М. М.]

³ ВИНОГРАДОВ 1982, 71: «Приспособление русского языка к западно-европейским понятиям, смешение его с элементами этих языков, предполагаемый переводами кодекс соответствий между смысловой системой русского языка и семантическими формами западноевропейских языков - все это легче всего могло развиться и выработаться в официально-письменных, публицистических, общественно-деловых, светско-бытовых стилях литературной речи». Ср. ж. соч., 85: «[лит. яз.], который теперь составлен из смешения русизмов, церковнославянизмов и европеизмов».

⁴ ВИНОГРАДОВ 1982, 59: «Язык Петровской эпохи характеризуется усилением значения официально-правительственного, канцелярского языка, расширением его влияния.»

2.0. Какое значение имеет систематическое исследование русского делового языка 17-го века, в частности московских грамот, которые скоро послужили образцом для «всей Руси», если имеются в виду вопросы возникновения русского литературного языка нового типа? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить языковую ситуацию в России допетровских времен. Вслед за Б. А. Успенским, Г. Хюттль-Фолтер и А. И. Исаченко мы исходим из социолингвистической концепции диглоссии, которая нам представляется особенно удачной в применении к XVII веку (ср. критику Г. Ланта [ЛАНТ 1989] по отношению к более ранним периодам): Диглоссия отличается - проще говоря - комплементарной дистрибуцией церковнославянского и русского народного языков, при чем русский народный язык обнаруживает местные (диалектные) варианты. Ю. ШЕВЕЛЕВ 1960, Б. А. УСПЕНСКИЙ 1987 и др. выдвинули тезис о так называемом третьем церковнославянском (третьем южнославянском) влиянии, состоявшемся во второй половине 17-го века под влиянием языков и языковой ситуации Юго-западной Руси. Именно оно ведет к разрушению диглоссии и к возникновению нового для Московской Руси церковнославянского-русского билингвизма (УСПЕНСКИЙ 1987).

2.1. Подавляющее большинство письменных памятников, сохранившихся от допетровских времен, написано на церковнославянском языке русской редакции. Недаром В. В. Виноградов пишет: «Русским литературным языком средневековья был язык церковнославянский» (ВИНОГРАДОВ 1982, 10). Только несколько документов написано на более или менее чистом русском народном языке. Достаточно вспомнить новгородские берестяные грамоты, «Русскую Правду», из 17-го века «Соборное Уложение» (1550 г.) и несколько рассеянных грамот, свидетельств частной переписки. Отчасти встречается народный язык в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (15 в.), в «Домострое» 16 в. и прежде всего в отрывках общеизвестного «Жития» протопопа Аввакума (17 в.). Другие памятники утилитарного характера, как например различные Лечебники и Назиратель 16 в., чаще всего обнаруживают немало субстратных элементов со стороны польского, украинского или белорусского языков.

2.2. Особое место занимает деловой язык административного центра России семнадцатого столетия, приказный язык столицы Москвы, послуживший образцом в развитии русского делового языка по всей России. Русский деловой язык 17-го века, засвидетельствованный в изданной корреспонденции, является значительным источником в поисках русского народного языка 17-го в. Однако подход не может быть прямым, так как этот язык - как все письменные языки - должен подвергаться нормам, противоречащим принципу спонтанности и не допустившим слишком широкую вариантность - особенно в области синтаксиса или организации текста. По отношению к грамотам такие

нормы прежде всего обязаны нормам текстового жанра, а именно нормам дипломатии. Здесь оставляет свои следы обязательный в наших документах формуляр, без которого грамота не обладает фактической юридической силой.

3.0. Однако, мнение, что в наших грамотах проявляется живой разговорный язык 17-го века, может считаться вполне справедливым. Дело в том, что в грамотах, как правило, имеются отрывки, которые в свою очередь никак не опираются на формуляр, а это - так называемая экспозиция (наррация), где более или менее свободно излагается фактическое содержание (референциальная и прагматическая значимость) документа.⁵ Здесь элементы спонтанности вкрадываются автоматически, даже если грамоту написал профессиональный дьяк.

3.1. Исследование русского делового языка, по нашему мнению, оказывается важным прежде всего в непрямом смысле. Деловые документы обнаруживают генетический слой русского народного языка, крайне отдаленный от языка религиозных произведений и художественной литературы, т. е. церковнославянского языка. Деловой язык нас не интересует сам по себе, если имеется в виду его значение для образования русского литературного языка нового типа; скорее нас занимает языковой материал народного языка, встречающийся внутри текстов данного функционального стиля. Опубликованные С. И. Котковым грамоты - помимо записей иностранных путешественников - представляют собой редкостные источники более или менее чистого русского народного языка, не искаженного ни церковнославянским, ни польским, белорусским или украинским языками. Как экзогенные источники назовем здесь: «Einn Russisch Buch» Томаса Шроуе 1546 года, анонимный «Rusch Boeck» 16-го (или 17-го?) века, анонимный «Dictionare moscovite» 1586 года, приписываемый Жану Соважу, «Dictionarie of the vulgar Russe tonge» Марка Ридлея 1599 года, отрывки из записей австрийского посла Герберштейна, разговорник Тенниса Фенне 1607 г., «Dictionariolum Russo-Anglicum» Ричарда Джемса (т. е. Джеймса) 1618-1619 гг., «Grammatica russica» Г. В. Лудольфа и др. Особо следует подчеркнуть значимость русско-немецких разговорников. Помимо этих экзогенных источников именно документы Московской деловой переписки представляют свидетельства о русском разговорном языке незадолго до третьего церковнославянского влияния и петровских реформ. Другие памятники, как например произведение Григория Котошихина или статейные списки русских дипломатов несомненно имеют огромное значение. Однако, их язык часто не свободен от церковнославянизмов или заимствований из других языков. Необходимо помнить, что авторы таких произведений

⁵ Зачин и концовка часто написаны церковнославянским языком, ср. КОТКОВ 1964, 7.

нередко владели двумя-тремя языками. Известно, что критерий мобильности снижает ценность информанта в диалектологии. То же самое касается наших вопросов. Использование таких гетерогенных материалов - по крайней мере - требует надлежащей осторожности.

Документами права в собственном смысле, как например Соборным Уложением 1649 года, можно пользоваться только условно по другим причинам. Именно язык допетровских законов подвергается особенно строгим нормам организации текста, которые предписывают особенно четкую, простую синтаксическую структуру. Подчеркнем здесь, что строгость норм и негибкость синтаксической структуры вытекают из норм жанра, так что несправедливым оказывается снисходительное отношение к языку канцелярий с аргументом необработанности стиля делового языка.

Что касается наших грамот, то нам кажется, что как раз они должны привлекаться при решении вопросов русского разговорного языка 17-го века. Язык не дает повода для сомнения в том, знают ли говорящие много языков или много ли они путешествовали. Исследователь имеет в распоряжении записанную речь простых людей, которые часто даже не принадлежат к низшему дворянству. В своих бумагах они рассказывают о событиях и ситуациях, которые для них несут отпечаток оригинальности, неповторимости. Именно поэтому им нельзя спрятаться за формуляр. Если документы не написаны людьми, затронутыми данными событиями, *своею рукою*, поскольку они *грамоте не умеют*, то даже дьяк, по-видимому, вынужден воспроизвести текст так, как ему позволяет собственная, диалектная компетентность.

4.0. Помимо уже сделанного анализа фонологических и морфологических признаков русского народного языка и их диалектов (среди которых московский городской диалект занимает особое положение) как раз синтаксис наших грамот еще ждет более конкретного исследования.⁶ При чтении наших документов нельзя полностью согласиться с часто встречающимися предрассудками, касающимися мнимой примитивности народного синтаксиса.⁷

⁶ КОТКОВ 1964, 11: «История русского языка пока не имеет синтаксических исследований, построенных в широком плане на материалах частной переписки. Это объясняется, с одной стороны, и относительно редкой ее сохранностью и, с другой, фрагментарностью ее публикаций.»

⁷ Ср. ВИНУКОВ 1959, 66: «Далее, и со стороны синтаксиса наблюдаем в древнерусском литературном языке своеобразное совмещение двух разноприродных способов построения речи - устного, с характерной для него слабой связью между отдельными звеньями речевого потока, и книжного, в котором речевой поток более или менее успешно укладывается в обдуманную синтаксическую схему. Для древнерусского литературного языка типичен именно такой синтаксис, в котором под литературию обработанной

4.1.0. Напротив, в грамотах и грамотках делового языка 17-го века, даже внутри частной переписки, исследователь найдет довольно развитый в синтаксическом плане язык, находящийся далеко от примитивности, если такая примитивность вообще есть.

Познакомим читателя с материалом из КОТКОВА 1974 (67-прибл. 20=47 страниц: стр. 287-355 (-1, потому что 287 и 355 записаны только до половины) - прибл. 20. стр., если удерживаются заголовки и примечания = 47 стр.). Станет очевидным, что из ограниченного корпуса можно извлечь довольно богатый состав сложноподчиненных предложений. Не может быть речи о мнимом чисто паратактическом (сочинительном) характере языка русских грамот и грамоток 17-го века. В том, что этот язык отвечает нормам фомурляра, его нельзя упрекнуть: Так обстоит дело по существенным причинам, т. е. из-за норм жанра. Аргумент стилистической неумелости, часто привлекаемый в применении к деловому языку, нельзя принимать во внимание. Он должен оставаться чужд предмету изучения.

4.1.1. Изъяснительные предложения (с глаголами, обозначающими восприятие какой-либо информации):

... что:

[...] а слыхом мы слышали / что де загорелса ес вдовиц / двор [...] (MR, 290; 1646)

[...] мы видели что из тынгах приходоеть / ис церкви образы выносили [...] (MR, 303; 1657)

Наблюдается полное отсутствие союзов *яко* (цсл.) или *еже* (цсл.), *иже* (в старорусских памятниках является украинизмом/белорусизмом), *яже*, *кое*, *оже*, *некли*. Как известно, с XV века изъяснительные придаточные с *что* получили более широкое распространение, как раз в деловой письменности (см. ССВЯ 1973, 79). Единственным дублетом в наших документах является союз *как* (обозначающий восприятие, ср. ССВЯ 1973, 84, являющийся стилистически нейтральным):

внешностью и своеобразной "нескладницей", хаотичностью словорасположения, предпочтением конструкций, состоящих из равноправных независимых величин, конструкциям подчинительным, в которых соединение двух членов создает неразложимое и цельное единство, словом - отсутствием того, что когда-то Потебня назвал очень удачно "синтаксической перспективой". ИСАЧЕНКО по поводу языка Афанасия Никитина: "In seinem Bericht verwendet der Reisende keine ksl. Elemente. Dementsprechend ist die Darstellung des Geschehenen und Erlebten ungemein elementar, ja primitiv, ein Agglomerat von Kurzsätzen, die voneinander durch die Wörtchen a und da getrennt sind; es fällt schwer, hier von einer 'Verbindung' von Sätzen zu sprechen". (245), ср. также ч. 1, 342.

ИСАЧЕНКО 1987, 548: «Die Diglossie mit ihrer weltabgewandten Hochsprache und einer unterentwickelten Amts- und Umgangssprache konnte einfach die auf die neuzeitliche russische Gesellschaft zukommenden sprachlichen Aufgaben nicht meistern».

[...] и **ма Джино-ор** видел с **Ъиванова / двора Оустова** какъ в ней горит / в горницы еѣ сверху кровля [...] (MR, 290; 1646)

[...] и увидели де как несут из церкви **шразы** по **домом** [...] (MR, 309; 1657)

4.1.2. Изъяснительные предложения (зависимые от именных форм):

[...] и **вдет** про то **гсдрю вѣдомо** / что вы тѣх людеи **знаете** и их **укры/ваете** и вам **быть** от **гсдра** в **вели/кон** **опале** [...] (MR, 296; 1657)

РО г **мама** въ **ВГ** де [23. Маѣ 1662] **роспис** что **работали** на **Троецком** **подворе** **подмастере** **Иван Нефедевъ** да **левкашикъ** **Бажен** **Игнатъевъ** [...] (MR, 322; 1662)

[...] и **горело** / то **мѣсто** **знатно** что **горѣло** и **кровля** / **взломана** [...] (MR, 340; 1676)

4.1.3. Изъяснительные предложения (глаголы говорения):

[...] и **сказал** / **нам** **вѣм** что **мы** **заневог** [...] (MR, 293; 1654)

[...] **сказали** [...] что **мы** **тѣ** **рѣчь** **слышали** [...] (MR, 297; 1657)

Дьяк **Третякъ** **Никитин** **ска/зал** по **гсдрев** **црву** и **великого** / **кнзѣ** **Влѣдѣ** **Михаиловича** / **всѣа** **Руси** **крстному** **целованю** / что в то **время** какъ **по/жар** **убылиси** **дома** **его** / **не** **было** **был** в **городе** и **мама** / въ **31** **де** **вдова** [...] **изву** в **сѣва** **топила** [...] (MR, 290; 1646)

4.1.4. Изъяснительные предложения с изъяснительно-модальными союзами:

[...] и **голова** **Григорен** **Остафьев** **противъ** их **скаски** **допрашивал** с **великим** **при/страстием** что в **онѣ** **сказали** в **кого** / **онѣ** **именем** **слышали** [...] (MR, 296; 1657)

[...] **допрашивал** с **великим** **пристрастием** **чтов** / **они** **сказали** от **чего** то **дѣло** **почелос** и от **кого** **имѣ** **имѣнем** **слы/шѣли** [...] (MR, 298; 1657)

Намечается полное отсутствие союзов *да, дабы, еже бы, аже бы, иж(е) бы* и т. д. Единственным союзом является *чтоб(ы)*. Подчеркнем, что здесь мы обнаружили только сеченный разговорный вариант *чтоб* (ср. ССВЯ 1973, 89).

4.1.5. Косвенно-вопросительные предложения (частица *ли*):

[...] **вдова** **Улана** / **изву** **топила** **ли** и **дома** в **том** / **ден** **вѣла** **ли** и **онѣ** **того** **не** **вѣдают** [...] (MR, 290; 1946)

[...] и **голова** **Григорен** **Остафьев** **противъ** их **скаски** **допрашивал** с **великим** **при/страстием** что в **онѣ** **сказали** в **кого** / **онѣ** **именем** **слышали** и в **лицо** **ихъ** / **знают** **ли** [...] (MR, 298; 1657)

Употребление частицы *ли* является нейтральным.

4.1.6. Косвенно-вопросительные предложения (*будто*)

[...] и пристал ко мнѣ придиратца напрасна вутто у меня на / лавченке воды нет и учала емѹ говорит что де на лавке / вода есть (MR, 312; 1660)

Настоящий пример нам кажется особенно ценным, поскольку союз *будто/будто* возникает только в XVI веке путем слияния глагольной формы *буди* и местоимения *то* (ССВЯ 1973, 90). Союз указывает на сомнения говорящего в том, что выражается в придаточной части. ССВЯ (1973, 91) намечает весьма редкое употребление данного союза до XVIII века.

4.1.7. Придаточные дополнительные предложения, присоединяемые союзными словами:

[...] і от ково та / речь пронеслас и мѹ и женгы наша / про то не слыѹхали [...] (MR, 309; 1657)

[...] а по какому указу кто из цркви выносили вбразы того де мѹ не вѣдаем [...] (MR, 309; 1657)

[...] допрашивал с вѣликим пристрастием чтов / они сказали от чего то дѣло почелос и от кого мнѣ имѣнем слы/шѣли [...] (MR, 298; 1657)

[...] а кто ис цркви иконы / свое моление иныѹх сотен нес тово / де мѹ не видали и речи от ныѹ никакиѹ / не слыѹхали [...] (MR, 296; 1657)

[...] мѹ де не видали как оне ис цркви бжне / мисрде икон свое моление выносили / и для чево хто будет иконы выносили / і мѹ тово не слыѹхали [...] (MR, 311; 1657)

4.1.8. Придаточные дополнительные предложения, присоединяемые союзными словами (*который*)

[...] а в которомъ числѣ тогѹ / не вспомню [...] (MR, 293; 1654)

[...] а та/го иа не ведаю которыѹ до меня / брали или нет [...] (MR, 302; 1657)

и т. д.

4.1.9. Придаточные причины (*что*):

[...] и ниче/во мѹ про то не ведаем что живем мѹ всегда на гсдрвѹх / дѣлах и на караулѹх веспрестан/но с первова часу [...] (MR, 307; 1657)

[...] К сей поручной записи ввзима тинь Матвѣи Ба/ков вмѣсто Тимофея Ковбузева по ево / велѣню что он рѹчал Василия Козанца да / Гурга Филипова да Кондратта Горокина / по ево велѣню что он грамоте нѣ вмеет / рѹку приложить [...] (MD, 332; 1650)

ССВЯ (1973, 244) намечает довольно редкое употребление союза *что* в придаточных причинах. В наших документах наблюдается довольно частое употребление союза *что*, вводящего придаточное причины.

Следует вспомнить здесь об универсальном характере союза *что* в старорусских памятниках.

4.1.10. Придаточные причины (*потому что*):

[...] а денег штьцъ мой за тоѣ вѣтчицѣ ꙗ нег Гара/сима не имал потому что мачехѣ моя после штьца / моего вездѣтна [...] (MR, 288; 1643)

[...] а Стефан Дехтиар / имал свои образы потому что он волен и служил дома [...] (MR, 305; 1657)

Сочетание *потому что* в наших грамотах уже образует слитный союз. Поскольку здесь намечаются случаи употребления вне формуляра, мы исходим из того, что союз *потому что* является признаком разговорного языка 17-го столетия. Трудно согласиться с ШАПИРО (1953, 114), который полагает, «что *потому что* представляет собой позднее заимствование из литературного языка, где он также принадлежит к союзам сравнительно новым по времени образования.» Напротив, мы исходим из того, что данный союз возник в народном языке и отсюда проник в новый литературный язык.

4.1.11. Придаточные причины (*для того что*):

[...] в то число стрелцов не было / для того что переменялис (MR, 321; 1676)

[...] наражал де онъ на величюи караулъ квасника / Ѳетки Лукьянова для того что он Ѳетка / живет в Китае городе да жища которон / в него живет в подклѣте а какъ его зовут / тог де он не вѣдает [...] (MR, 321; 1693)

Союз *для того что*, по-видимому, принадлежит к народному языку 17-го века (ср. ССВЯ 1973, 246). Указываем здесь на полное отсутствие в придаточной части книжных причинных союзов *понеже (бо)*, *занеже (бо)*, *яко (бо)*, *иже*, *еже*, *елма*.

4.1.12. Придаточные цели:

[...] велено мнѣ быти в овѣзде / от Неглинны по Стретенкѣ что в всяких чин/новѣ люди извѣ / мѣшен не тогви [...] (MR, 320; 1676)

[...] и в то де время мужики наших дома / не было и сухотат было с тѣми похвал/ными словами нѣкому что в намѣ / от нее Мавры от техъ похвалныхъ / слов вконѣцъ не погинут [...] (MR, 339; 1676)

Союз *чтоб* встречается лишь в усеченном виде. Типично книжных союзов нет.

4.1.13. Придаточные условия:

будет:

[...] и вѣдет про то гсдрю вѣдомо / что вы тѣхъ людей знаете и ихъ укры/ваете и вамъ быти от гсдра в вели/кои опале [...] (MR, 296; 1657)

[...] и бѹдетъ въ тѣхъ людехъ знаете да ихъ / укрьиваете и вамъ бытъ отъ гсдрѣа в великомъ опалѣ [...] (MR, 303; 1657)

буде:

[...] а бѹде они за нашею порюкою не учнутъ в гсдрѣа / дѣла в приказѣ в сѣзженъ извѣтъ по всѣа / дни бытъ или надъ гсдрѣаю казною хѣто изъ нихъ / какое дѣрно учивитъ [...] и на насъ на порутчикахъ пенѣа [...] (MR, 332; 1650)

КОРОТАЕВА (1964, 145) указывает на неравномерное распространение дублетов *будет* и *буде*. По-видимому, форму *будет* обладает более официальным характером. Наблюдается отсутствие союзов *аще* (цсл.), *ес(ть)ли* (польск, укр., бр.) и временных по происхождению союзов как (*кабы*), *егда*, *когда* и т. д.

4.1.14. Придаточные следствия (*чтобы!*):

[...] тѣмъ вратъ ево / Ѳеткинъ Ивашко Кондратѣвъ в словесномъ своемъ / затѣнномъ составномъ извѣтѣ мѣня Ивана / поклепал и обесчестилъ напрасно, чтобъ великие гсдри пожаловали велѣли противъ / ево Ивашкина извѣтѣ съскаат и допроситъ по / евангелскои заповѣди гсднѣи десатцкогю и стрѣлцовъ которые были посылаемы по брата ево Ѳеткѣ на сѣзженъ дворѣхъ подлѣчихъ и стрѣлцовъ и сторожа допроситъ же [...] (MR, 321, 322; 1693)

В специальной литературе союз *чтоб* в следственном значении не отмечается (ср. напр. ССВЯ 1973, 270-279, СТЕЦЕНКО 1972, 282-286). Встречаются там лишь примеры с *что*. Союз *чтобы* в следственном значении приводится у Ломтева (ЛОМТЕВ 1956, 533). Однако, там говорится, что данный союз встречается лишь «при наличии отрицания».

4.1.15. Определительные предложения (*что*):

[...] К сѣи скаске Никиты црства мѣшка что в Басмасной словоде / поп Иванъ Прокопѣвъ вмѣсто старосты и иныхъ Басманны/е словоды тяглицевъ по ихъ веленю рѣкѣ приложи [...] (MR, 302; 1657)

Двесте перваго годѣ апрѣла въ де [так в рукоп.] рѣчали с сѣда в стате Григорѣа Яѳонасева сна / Мѣщеринова что изкалъ внъ Григорѣи го/да [так в рукоп. далее не разобрано неск. букв] Вльца на посацкомъ челоуѣке на / Ѳилке Третьяковѣ вѣсчестыа своего / да вѣбитковъ двѣ рѣблевъ и за нашею порюкою до вершена сѣднаго дела не сѣ/хатъ [...] (MR, 335; 1693)

[...] ада въ ево ж / овѣзде была чѣ словоды что словеть / Серевреникова створнаѣа рѣшетка [...] (MR, 317; 1676)

И стрѣлцы сво приказу пятидесятишки и десятишки и рядовые сказали по святон и испорочон и евангилскои / хрствои заповѣди прѣжние свое речи что писано / въсплѣ сего [...] (MR, 298; 1657)

4.1.16. Определительные предложения (*кто*):

[...] а игых стрѣлцов хто носили / из цркви иконы никои не видали [...] (MR, 311; 1657)

4.1.17. Определительные предложения (*который*):

[...] К сему обыску вмѣсто пятидесятишка Трофима Иванова / и десятишких и рядовых стрѣлцов пятова ста которые сами / грамотѣ не умѣют сотеннои дыгачок Захарко Павлов [...] (MR, 299; 1657)

[...] а которые в то время у вечерни / были стрѣлцы иконы свои / из цркви носили и те спрашиваны [...] (MR, 300; 1657)

Гласскои поп Нижне-ор Григоревъ вмѣсто детей своих / духовныхъ которыхъ грамоте не умѣютъ по их / велению рѣку приложил [...] (MR, 307; 1657)

который в препозиции:

[...] а которые вѣдут / ослушни [sic!] великого гедра въказу и на техъ подамъ / роспис а книги подам апреля в тридесатон / день (MR, 314; 1676)

[...] а которые не дают і на тѣх при/несъ извѣтъ [...] (MR, 314; 1676)

4.1.18. Определительные предложения (*кой*):

[...] кои грамоте не умѣют [...] (MR, 307; 1657) (2x)

[...] увидѣли мы как понесли от рожества хсва и одегитриа / вѣдцы и от Пильина великого и из ыныхъ / цркви посацкие люди образы и на нихъ / гляда немногие наша братта образы в конхъ / в окладе ис цркви а для чего ис цркви / из ыныхъ приходов образы въносили и мы про / то не ведаем [...] (MR, 302, 303; 1657)

К сеи скаски того ж приказу сотеннои дыгачек/ вѣдоимко Фадѣвъ вмѣсто пяти/десятишких і десятишких і рядовых кое в грамоте не умеют по их велению рѣку / приложил [...] (MR, 311; 1657)

4.1.19. Определительные предложения (*где*):

[...] посѣян на Исачко Кортавцов / в обѣздѣ от Смален скон улицы по Тверскую / улицу гдѣ ѣздит обѣзжен голова Фодо/сеи Лунин для сморру надолов/ и караулов и в том обѣзде [...] (MR, 317; 1676)

[...] лесъ съчето/мъ и в мере к гедрѣу делу на дво/рь в полаты / где ружье класть взята / и въ цене и провезе тако/въ договор былъ в томъ / целовалижъ Генка Фодо/ровъ и рѣку прожилъ [...] (MR, 325; 1663)

4.1.20. Определительные предложения с коррелятами:

[...] тѣ жѣ / речи. что кодошевские старосты / сказали. а скаску писал Кодошевские словоды [...] (MR, 292; 1650)

[...] в полату на мостъ съчетом столко / взято лесу и ценою за тот лесъ и за прово/зъ договор таково был в том целова/льняжъ Генка Федо/ровъ и руку приложитъ [...] (MR, 328; 1663)

[...] поручилиста есмь разрядному сну боярскому Ивану Илану по / Кондрате Иванове снѣ Горокинѣ да по Василие Сте/пановѣ снѣ Казанцѣ [...] в том / что им по гедрву указу выт за ншею порукою [...] (MD, 331; 1650)

К сии поручной записи вмѣсто прѣтчика Юки/ма Круговова по ево велѣнью Микиѣодорко / Иванов что он рѣчал Кондратта Горокина да Ба/сильа Казанца да Гурта Филипова в том / что им ходит за ншею порукою в Колурѣ [...] (MD, 332; 1650)

Что касается определительных предложений, то там не встречается примеров с союзами *иже*, *идѣже* и т. д., принадлежащими книжному языку.

4.1.21. Придаточные времени:

Встречается всего два примера, оба с коррелятом. Союз как во временном значении встречается преимущественно в памятниках, отражающих живую разговорную речь (ср. ССВЯ 1973, 1369):

[...] извѣщали столыка / и полковника головы московскихъ / стрелцовъ Петра Оврамовича Лопу/хана стрелцкие жены / посацкая / жена овѣзжема головѣ страпачему /Илѣерю Сергѣеву сну Строеву [...] на вдову посацкую /жену Мавру Кирилову [...] как былъ на Москвѣ/ пожар в Бѣлом городе и в то де числв / говорила такие похвалыге / та де Мавра Кирилова всю де вашу / словоду головней покочо [...] (MR, 339; 1676).

Обнаружился один пример с составным союзом *в то время как*, которому приписывается оттенок определительный (ССВЯ 1973, 131-132):

Дѣяк Третя Никитин ска/зал по гедрву црев и великого / князя Илѣѣта Муханловича / всеа Руси крстному целованю / что в то время какъ по/жаручинилаа дома ево / не было был в городе и мана / въ ЗІ де вдова [...] изву в сева топлиа [...] (MR, 290; 1646)

4.2. После рассмотрения всех имеющихся в наших документах сложноподчиненных предложений следует подчеркнуть, что не было найдено ни одного примера с чисто книжным союзом, между тем как обнаружилось довольно немного примеров придаточных предложений. В документах имеются и расчлененные и нерасчлененные типы сложноподчиненных предложений (ср. Кубик 1967). И этот факт говорит

в пользу того, что грамоты и грамоты XVII века представляют собой важнейший источник русского разговорного языка. Мы здесь не будем останавливаться на характеристиках препозитивного подчинения в наших грамотах. Из наших примеров стала очевидной функция союзов *а* и *и*, вводящих и придаточную и главную часть. (ср. КОРОТА-ЕВА 1964).

5.0. Для исследования синтаксиса русского литературного языка нового типа систематический анализ синтаксического строя наших грамот имеет огромное значение постольку, поскольку здесь исследователь располагает данным, которыми следует пользоваться при определении и классификации синтаксических элементов, вошедших или не вошедших в новый литературный язык. Вместе с данными современных русских народных диалектов (ср. ШАПИРО 1953) и с оговорками - с данными русской разговорной речи или просторечия можно обнаружить автохтонность или заимствованность данного синтаксического феномена. Далее можно определить степень континуитета или инновационности по отношению к синтаксическим средствам, сыгравшую свою роль при образовании литературного языка нового типа.

5.1. Предлагаем здесь следующий метод:

Синтаксические модели русского делового языка 17-го века, в частности те, которые засвидетельствованы в наших грамотах, сравниваются с данными экзогенных источников (ср. 3.1.) и современных русских диалектов. Если модель встречается и здесь и там, то вероятность автохтонности может считаться высокой. Кроме того, следует привлекать тексты, принадлежащие народному слою, предыдущих периодов и соответственные данные. Если параллельных примеров не имеется, то необходимо обращаться к памятникам Югозападной Руси и польского языка, которые, как известно, оказывают значительное влияние на русский язык 16-го/17-го веков. Что касается диалектных данных, то с надлежащей осторожностью следует пользоваться данными западнорусских диалектов (Псков, Смоленск - Брянск, Курск). Общеизвестны факты влилингвистической истории, способствующие заимствованиям из белорусского или украинского языков. Критерий простора нельзя упускать из виду.

Если не обнаруживается ни одного примера определенного синтаксического элемента в наших документах или в экзогенных источниках, с другой стороны имеется достаточно контекстов, в которых данная модель слегка могла бы встречаться; если, однако, есть определенное количество примеров в произведениях Котошихина, в Статейных Списках и т. п., то к рабочей гипотезе автохтонности следует отнестись осторожно, и возможности заимствования требуют детальной проверки. Однако не исключено, что определенная модель случайно не была засвидетельствована.

Специалисты утверждают, что язык русских грамот и грамоток вряд ли оставил след в русском литературном языке нового типа. С таким мнением, пожалуй, можно согласиться только частично, в зависимости от понимания выражения «язык грамот и грамоток», которому можно придавать по крайней мере два значения:

1. язык грамот и грамоток как функциональный стиль делового жанра или
2. язык грамот и грамоток как носитель того разговорного материала, который свидетельствуется преимущественно в экспозиции.

Если речь идет о функциональном стиле текстового жанра, то повторяем здесь, что по нашему мнению деловой язык 17-го века резко отличается от языка петровских и после-петровских актов,⁸ так что понятие «язык грамот и грамоток» занимает нас исключительно во втором значении. Нас интересует языковой материал, служащий нам запасом данных. Чем исключительнее дьяк или рассказывающий знает только свой родной диалектный язык, тем полезнее будет его грамота для интересующегося малоисследованным русским народным языком 17-го столетия.

Цитируемая литература:

- БАГРЯНЦЕВА 1994 - Г. И. БАГРЯНЦЕВА: Средства связи предложений в документах XVIII века. В: Русская речь 1 (1994), 87-91.
- ВИНОГРАДОВ 1982 - В. В. ВИНОГРАДОВ: Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. Изд. 3-е. Москва 1982.
- ВИНОКУР 1959 - G. VINOKUR: Die russische Sprache. Übertr. v. R. Trautmann. Leipzig 1949.
- ЖИВОВ 1986 - В. М. ЖИВОВ: Новые материалы для истории перевода «Географии Генеральной» Бернарда Варения. В: Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Том 45, №. 3, 1986, 246-260.
- ИСАЧЕНКО 1983 - A. ISSATSCHENKO: Geschichte der russischen Sprache. 2. Bd. Das 17. u. 18. Jh. Heidelberg 1983 (=Slavica. Neue Folge.)
- КОРОТАЕВА 1964 - Э. И. КОРОТАЕВА: Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. Москва-Ленинград 1964.

⁸ Ср. также ВИНОКУР 1959, 68: «В результате деловая речь конца XVII и в особенности начала XVIII века значительно отличается от старого языка приказных документов. Она гораздо литературнее, она впитала в себе разные элементы книжности, широко употребляет международную греко-латинскую и западноевропейскую терминологию и даже порой ущеголяет ею».

- КОТКОВ 1964 - С. И. КОТКОВ: Материалы частной переписки как лингвистический источник. В: С. И. КОТКОВ, Н. П. ПАНКРАТОВА: Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII - начала XVIII века. Москва 1964, 3-13.
- КОТКОВ 1968 - С. И. КОТКОВ (ред.): Московская деловая и бытовая письменность XVII века. Москва 1968.
- КОТКОВ 1969 - С. И. КОТКОВ (ред.): Грамотки XVII - начала XVIII века. Москва 1969.
- КОТКОВ 1974 - С. И. КОТКОВ: Московская речь в начальный период становления русского национального языка. Москва 1974.
- КОТКОВ 1990 - С. И. КОТКОВ (ред.): Памятники южновеликорусского наречия. Конец XVI - начала XVII в. Москва 1990.
- КОТКОВ 1993 - С. И. КОТКОВ (ред.): Памятники южновеликорусского наречия. Челобитья и расспросные речи. Москва 1993.
- КОТКОВ, КОТКОВА 1977 - С. И. КОТКОВ, Н. С. КОТКОВА (ред.): Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. Москва 1977.
- КОТКОВ, ПОПОВА 1986 - С. И. КОТКОВ, З. Д. ПОПОВА: Очерки по синтаксису южновеликорусской письменности XVII века. Отв. ред. В. В. Иванов. Москва «Наука» 1986.
- КУБИК 1967 - М. КУБИК: Условные конструкции и система сложного предложения. Прага 1967.
- ЛАНТ 1989 - H. G. LUNT: On the Language of Old Rus'. Some Questions and Suggestions. In: Russian Linguistics 13, 3, 1989, 269-281.
- ЛОМТЕВ 1956 - Т. П. ЛОМТЕВ: Очерки по историческому синтаксису русского языка. Москва 1956.
- ССВЯ 1973 - Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Сложноподчиненные предложения. Под ред. В. И. Борковского. Москва 1973.
- ТРУБЕЦКОЙ 1927 - Н. С. ТРУБЕЦКОЙ: Общеславянский элемент в русской культуре. В: К проблеме русского самопознания. Paris 1927, 54-94.
- УНБЕГАУН 1968 - Б. О. УНБЕГАУН: Язык русской литературы и проблемы его развития. В: Revue des études slaves 47 (1968), 129-134.
- УНБЕГАУН 1965 - В. О. UNBEGAUN: Le russe littéraire est-il d'origine russe? In: Revue des études slaves 44 (1965), 19-28.
- УОРТ 1978 - D. S. WORTH: On 'Diglossia' in Medieval Russia. In: Die Welt der Slaven 23, 1978, 371-93.
- УСПЕНСКИЙ 1985 - Б. А. УСПЕНСКИЙ: Из истории русского литературного языка XVIII - начала XIX века. Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. Москва 1985.
- УСПЕНСКИЙ 1987 - Б. А. УСПЕНСКИЙ: История русского литературного языка (XI - XVII вв.), München 1987 (= Sagners Slav. Sammlung, Bd. 12).

- УСПЕНСКИЙ 1993 - В. А. USPENSKIJ: Die Geschichte der russischen Literatursprache als interslavische Disziplin. In: Zeitschrift für slavische Philologie LIII (1993), 231-253.
- ХАБУРГАЕВ 1979 - Г. А. ХАБУРГАЕВ: Русский язык. В: Очерки русской культуры XVII века. № 2. I. Духовная культура. Москва 1979.
- ХАБУРГАЕВ 1980 - Г. А. ХАБУРГАЕВ: Становление русского языка (пособие по исторической грамматике). Москва 1980.
- ХЮТТЛЬ-ФОЛТЕР 1987 - G. HÜTTL-FOLTER: Языковая ситуация петровской эпохи и возникновение русского литературного языка нового типа, Wiener Slavistisches Jahrbuch 33, 1987, 7-21.
- ШАПИРО 1953 - А. Б. ШАПИРО: Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. Москва 1953.
- ШЕВЕЛЕВ 1960 - G. Y. SHEVELOV: Die kirchenslavischen Elemente in der russischen Literatursprache und die Rolle A. Šachmatovs bei ihrer Erforschung. In: A. ŠACHMATOV - G. Y. SHEVELOV: Die kirchenslavischen Elemente in der modernen russischen Literatursprache. Wiesbaden 1960 (=Slavistische Studienbücher), 43-106.